

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

БОЛЬШОЙ ТАЛАНТ всегда многогранен. Много раз посчастливилось мне не только видеть Майю Михайловну Плисецкую на сцене, но и бывать на репетициях, беседовать на самые разные, подчас далекие от искусства темы. Убежден: если бы стала она, скажем, медиком — то выдающимся, педагогом — журналистом — прекрасным. Это свойство богато одаренных природой натур — быть заметными в любом качестве. А то, что Плисецкая стала балериной, так это не столько ей, сколько всем нам повезло.

— Меня отдали в балет, — рассказывает она, — и мне ничего другого не оставалось, как работать. А вообще-то всю жизнь тянуло в драму. Был даже момент, когда я собиралась балет оставить. Рубен Николаевич Симонов звал в свой театр. Он до конца жизни повторял мне: «Ты загубила в себе прекрасную драматическую актрису». Но я уже окончила хореографическое училище, поступила в Большой театр, с первого сезона вошла в репертуар. А кто же уходит из Большого?

Она еще училась, когда началась война. На фронт уходили родные, близкие. Проводила Майя и человека, к которому искренне была привязана: дядю, младшего брата отца — Владимира Плисецкого. Старые москвичи помнят еще, наверное, популярное «Трио Кастелино»: К. Шульженко, А. Ульянов и В. Плисецкий. Владимиру пророчили большое будущее, но с первых дней он ушел на фронт добровольцем — и не вернулся. «Осталась у меня о нем светлая память, неизбыvная скорбь и гордость», — задумчиво говорит она, чуть покачивая головкой, — гордость за то, что в списках героев, отдавших жизнь за Родину, есть и имя родного, любимого человека».

А я вспоминаю, как однажды показала мне Майя Михайловна цветущее от

времени командировочное предписание: «Предъявитель сего, балерина Плисецкая М. М. командируется в действующую армию сроком с 5 мая по 1 июля 1942 года».

Пройдут годы. Имя лауреата Ленинской премии народной артистки СССР Майи Плисецкой станет известно во всему миру, ее назовут «суперзвездой танца», «королевой балета», «первой леди танцевального мира». Ей будут рукоплескать Париж, Рим, Берлин, Лондон, Нью-Йорк, Буэнос-Айрес, Токио, Мадрид... И на самом пике оваций, в сиянии ламп, ее будет вспоминаться тусклая подсветка луны, доски сдвинутых грузовиков, с откинутыми бортами, бойцы, старательно хлопавшие ей, положив на колени автоматы со снаряженными дисками. В том году она окончила хореографическое училище.

А в сорок четвертом в Большом состоялась премьера «Щелкунчика» с Машей — Плисецкой. В газетах шли восторженные рецензии, а почтовый ящик полнился письмами, и было среди них множество фронтовых «треугольничков». Оказывается, людям в окопах совсем небезразличны были новости столичного балета. Ответить каждому не было никакой возможности, и она обратилась к воинам с открытым письмом по радио:

«...Пусть все знают, что такой народ, как наш, нельзя никому поработить. Я знаю, что наша долгожданная победа не за горами. Я верю бойцам Красной Армии».

А где, скажите, подсмотрела она свою Фригию — образ жены легендарного Спартака в одноименном балете Хачатуряна, ее суровую и достоверную правду? В трагических фризах эллинистических храмов? В литературе? Да, конечно, но только больше всего пришло от русских солдатов.

Поезд набирает ход, увозя на фронт мужей, сыновей, отцов, любимых. Женщины рыдают, осыпая войну проклятиями. Никогда этого

не забуду, и пусть такое никогда не повторится!

ОБ ИСКУССТВЕ Майи Плисецкой рассказывать трудно. Тот, кто видел ее на сцене, подтвердит: здесь любые сравнения и эпитеты кажутся плоскими и скучными. Плисецкая — из тех немногих балерин, что сами творят историю балета, чей та-

ней. Мне говорят, что это танцевать нельзя, а я именно это и танцую. Вот у моего «Лебедя» голова и руки — назад устремлены. Потому, что у Анны Павловой все — вперед. Когда мы замахнулись ставить «Анну Каренину», нашлось множество тех, кто даже слушать о ней не хотел. Ничего, привыкли!..

хлеборобом, офицером, наконец, — легко?

— Ну а не надоедает из года в год танцевать ту же партию?

— Честно? Надоедает! Я перетанцевала практически все, что хотела. Но и самы захватывающие балеты порой приедались, даже «Лебединое озеро». Тогда я старалась ли-

ней работе мне самой не привлекаться, никакой авторитет мое обратного не доказывает. Без взыскательности к себе не может быть хорошего артиста. Нужно уметь смотреть на себя со стороны и при этом фанатично быть преданным своему делу. Тогда будет толк.

Когда заходит полон, я чувствую, словно меня рентгеном просвечивают. И выступать «так себе» не могу. В балете ведь каждый день надо доказывать, кто есть кто. И чем больше похвал, тем к большему они обзывают.

— В последнее время у нас появилась новая привязанность: кино, телевидение. Авторы писем в редакцию офицеры- дальневосточники В. Колесник и А. Страхницкий спрашивают: чем это объясняется?

— Скажите, многие ли мо-

гут побывать в Большом театре? Вот и письма, которые вы мне показали, — об этом. А хочется, чтобы люди видели тебя, твою работу. Для кого же, как не для них, мы танцуем? Кроме того, ведь это единственная возможность сохранить, зафиксировать то, чего мы достигаем.

Раньше не было таких возможностей, и сколько уникальных жемчужин русского балета мы не можем увидеть...

— «Кармен-сюита»?

— Да!

— Сколько вы над ним работали?

— Более трех месяцев трудились вместе с постановщиком Альберто Алонсо и композитором Родионом Щедриным. Потом почти десять лет я сама осваивала спектакль, шлифовала его. А окончательно убедилась в его завершенности лишь в прошлом году, когда балет был принят испанской публикой.

— Майя Михайловна, чтобы что ни говорил о труде артиста, но я был на ваших репетициях. Какая же тяжелая работа этот изящный, легкий, воздушный балет!

— А любил профессия легка, если работать спустя рукава. И любил — трудна, если работать хорошо. Утверждаю — любил. Хорошо танцевать невероятно трудно. А быть хорошим критиком, скажу, что умею быть самокритичной. Если что-то в мо-

вайте расскажем читателям, чем занята Плисецкая в свободное время.

— Свободное от чего? От балета? У меня такого не бывает. Эта «сладкая мука» всегда при мне. Танец — мое слово, моя любовь, моя жизнь, способ моего существования. Ну а увлекаюсь... Музой, живописью, литературой. Люблю путешествовать. Страстная болельщица. Правда! «Болсю» за хоккеистов ЦСКА...

— Майя Михайловна, как вы думаете — существует взаимное влияние балета и спорта?

— Безусловно. Артистизм, балетная филигранность привлекают во многие виды спорта. А балет, благодаря ему, стал несравненно техническим. Здесь прогресс колоссален. Такой сильной техники, особенно мужской, у нас еще никогда не было.

У ПЛИСЕЦКОЙ не бывает праздников, будней, а лишь каждодневный, приносящий радость, но очень легкий труд. Есть ли, нет ли сегодня спектакля — все равно есть репетиция, класс. У этой хрупкой женщины — колоссальная воля и необыкновенное упорство. Если вдуматься, ее жизнь — урок малодушным, укоряющимся. Сколько наших замыслов порой не реализуется только потому, что кому-то там они могут показаться нереальными, сколько позиций загодя сдается без боя потому, что они наперед кажутся проигранными! Плисецкая никогда не отступала от намеченного — поэтому и всегда или почти всегда побеждала. И ее талант, ее целеустремленность, ее художественная позиция по достоинству оценены Родиной. И, поздравляя замечательную артистку с юбилеем, присвоением высокого звания Героя Социалистического Труда, мы от души желаем ей новых взлетов в ее творчестве, устремленном далеко в будущее.

Майя Михайловна, да-

Встречи по вашей просьбе

Майя ПЛИСЕЦКАЯ:

Балету доступно все!

Ненавижу подражателей, ненавижу подражать. Как говорил Дебюсси: избавь меня, боже, от дебюссистов.

Учеба — инос дело. Когда читаю Пушкина, Толстого, Чехова, Достоевского, Мериме, всегда превращаюсь в прилежную ученицу. Не для того, чтобы заучить урок, а чтобы подчинить себя художнику, максимально настроиться на его волну. Ведь по-настоящему творить можно только тогда, когда проникаешься самим духом произведения.

— Все человечески значительное, глубокое по мысли, искреннее по чувству — будь то вымысел или реальность, наша современность или отдаленное прошлое — все доступно балету, его музыке, его пластике, — уверяет она.

И действительно: самый смелый эксперимент и глубочайшая верность традициям для Плисецкой не взаимоисключающие вещи, а явления одного порядка. Она понимает традицию в ее диалектике — не останавливаться в поиске, идти дальше учителей, смело разрушать привычные представления о роли танца, раздвигать жанровые границы балета.

— Я всегда была непокор-

бо реже танцевать эту партию, либо искала другую ее редакцию. Сам же танец, как хлеб, не приедается никогда. Есть балет, который могу танцевать хоть каждый день.

— «Кармен-сюита»?

— Да!

— Сколько вы над ним работали?

— Более трех месяцев трудились вместе с постановщиком Альберто Алонсо и композитором Родионом Щедриным. Потом почти десять лет я сама осваивала спектакль, шлифовала его. А окончательно убедилась в его завершенности лишь в прошлом году, когда балет был принят испанской публикой.

— Ваша коллеги говорят, что любое ваше выступление заранее «обрешено на успех»...

— Вряд ли. Я и до сих пор немало тумаков получаю. И люблю — трудна, если работать хорошо. Утверждаю — любил. Хорошо танцевать невероятно трудно. А быть хорошим критиком, скажу, что умею быть самокритичной. Если что-то в мо-

М. ЗАХАРЧУК.